

Наталья НАРОЧНИЦКАЯ: Хочется воскликнуть,

«Я — русский,

ЗАЧЕМ УКРАИНА УНИЧТОЖАЕТ ИСТОРИЧЕСКУЮ ПАМЯТЬ И ПОЧЕМУ НЕНАВИДИТ РОССИЮ

Политик и общественный деятель, глава Парижского отделения Института демократии и сотрудничества, президент Фонда исторической перспективы Наталья Нарочницкая считает, что русский народ переживает нелегкие времена, ведь это самый разделенный народ в мире. «Но без русских не может быть России, это пора понять всем, — уверена Наталья Алексеевна (на фото). — И прятать голову в песок по традиции XXI века, который научил нас говорить на эти темы респектабельным, спокойным языком, без вражды к кому-либо, — это означает усугублять проблему, и тогда никакого будущего у России не будет».

Президент России, общаясь с народом, заметил, что русский человек прежде всего думает о каком-то высшем моральном начале, «поэтому он обращен больше не в себя, любимого, а развернут вовне». «еҷерка» поинтересовалась у Натальи Нарочницкой: а что значит быть русским?

МНОГИЕ МЕЧТАЛИ ОКОРОТИТЬ РОССИЮ

— После того как Россия проявила национально-государственную волю и ощутила общенациональный подъем, единение людей, находящихся в самых разных жизненных обстоятельствах, разного уровня образованности, хочется воскликнуть, как Суворов: «Я — русский, какой восторг!» «Гордитесь именем русских, ибо сие имя есть и будет знаменем Победы» — это уже слова Кутузова, выгравированные в музее под Малоярославцем, где было сражение в 1812 году. Наши предки гордились своей страной, при этом у них не было никакой спеси, не было завышенной самооценки, и это отличает патриотизм русского человека, который есть любовь к своему, а не ненависть к иному. Поэтому никакие кальки XX века о шовинизме, о том о сем к русскому патриотизму не приложимы. Русский человек всегда отличался гораздо большим универсализмом, чем западные народы, хотя принято считать, что раз они столько веков претендуют на евроцентричную концепцию мировой истории, то именно они и универсальны. И хотя русский человек привержен своей вере, своим традициям, тем не менее сильнее остальных чувствует, что слово Христово обращено ко всем абсолютно, что никого нельзя считать варварами. Без такого отношения никогда бы русские не создали государства от Буга до Тихого океана, в котором плавно соединились через веротерпимое православное ядро практически все цивилизации: католическая, протестантская, включая ислам и пантеистические государства Дальнего Востока.

Никогда бы русские не смогли удержать свое государство, если бы не было такого отношения к согражданам, но, скажем, не братьям по вере. Именно мы создали такое государство, и этот опыт сегодня, когда все говорят о борьбе и соперничестве цивилизаций, бесценен. Россия — это уменьшенная модель мира. И нам понятны и проблемы дворцов, и проблемы хижин, проблемы людей без воды где-нибудь в Африке и взгляды чикагской богемы. Поэтому не американцы, а именно мы являемся моделью этого сложного мира с его противоречиями, его перепадами в культуре, в цивилизации, в технологии, в климате, если хотите. Нам есть чем гордиться — мы построили огромные города-миллионники и промышленность...

С МАРКСИСТАМИ НЕЛЬЗЯ ДОГОВОРИТЬСЯ

— Наталья Алексеевна, вы отметили универсальность русских, но почему тогда в мире сильны русофобские настроения? Они были даже у Маркса и Энгельса...

— Дело в том, что марксизм — настолько противопо-

ложная русскому религиозному мировоззрению доктрина, что, конечно, Россия представлялась им врагом. Энгельс откровенно писал об этом в некоторых своих статьях, которые опубликованы и у нас, хотя полное собрание его сочинений в России так и не издано. Марксизм — чисто западная теория, которая не могла родиться на нашей почве. Британский историк Арнольд Тойнби прямо писал: марксизм никогда не мог родиться на русской почве, потому что мы очень искренние и пламенно отдаемся всему тому, во что мы, пусть даже временно, уверовали.

— А отчего все-таки возникла русофобия у классиков марксизма? Они очень боялись панславизма?

— Да, они обвиняли Россию, и абсолютно ложно, в том, что за всеми антиевропейскими идеями стоял грозный русский царизм, который, как писал Энгельс, считает своим достоинством все, что есть в Европе. Это полная чушь, потому что даже на Первом славянском конгрессе единственным русским был Бакунин — опальный человек, которого царское правительство заключило в крепость. А Маркс вообще считал, что Россию надо вернуть к временам Столбовского мира. В произведении, опубликованном дочерью после его смерти, — «Тайна дипломатической истории XIX века» — говорится, что все зло мировой политики от России. Энгельс тоже считал, что русская дипломатия — главный враг. И Вера Засулич писала, что если в министерство мы сумеем внедрить наших людей, то тогда силу России сумеем уменьшить, окоротить. А Ленину была абсолютно чужда красота русской религиозной жизни — та, что описал в «Лете Господнем» Иван Шмелев: он описывает литургический год, построенный на «Житии» и переживаемый от Рождества и до Пасхи, где весь круговорот жизни соединен с переживанием о судьбе Христа и его воскресении.

— Но подождите, в советских учебниках Ленин показан не только как основатель первого в мире социалистического государства, но и как интернационалист...

— Образ Ленина овеян многими мифами. Ленин, конечно, был выдающийся ум, выдающийся тактик, при этом абсолютно беспринципный, что вообще свойственно марксистам. Об этом еще Герцен в «Былом и думах» писал — что с марксистами ни о чем нельзя договориться, потому что они считают себя вне той этической рамы, которая признается остальным обществом. Их доктрина — построить совершенно новый мир на униформных стандартах, одинаковых для всех, на чисто материалистических, рационалистических критериях. Поэтому эта сторона русской жизни, русского характера подлежала искоренению, о чем первые большевики откровенно писали, особенно Троцкий, которому принадлежит высказывание: пока мы не уничтожим русский дух, успеха в революции нам ждать нечего. Но Россия настолько вели-

ка, что не дает никому управлять миром из одной точки, она спокойна и никуда не вмешивается, если дело не касается ее собственных, близлежащих интересов. И первым это осознал Наполеон, которому никакие экономические выгоды от порабощения России не были нужны и никакие русские территории тоже. Он вначале хотел втянуть Россию во всякие комбинации против Англии, а потом пошел войной... А в XX веке в дневниках Геббельса уже было написано, что нельзя потерпеть на Востоке такое огромное государство. И когда американцы провозгласили однополярный мир, исходя из своей исключительности, о которой так забавно и самоуверенно говорил Маккейн, — они забывают, что все их благосостояние зиждется на вавилонской башне из триллионов долларов, не обеспеченных всем достоянием США, включая землю. Поэтому они могут жить, только взимая имперскую дань со всего мира, для чего нужно вмешиваться и все держать под контролем. А вот существование России, особенно если она подает голос, уже делает это невозможным. Именно поэтому Америка будет приветствовать слабость России и всегда пытаться сдерживать сильную, самостоятельную страну, даже если мы предлагаем американцам сотрудничество в тех областях, где есть общая заинтересованность.

НЕПОЛНОЦЕННОСТЬ РОЖДАЕТ НЕНАВИСТЬ

— Наталья Алексеевна, Бжезинский давал свой рецепт ослабления России — для этого нужно оторвать от нее Украину. И мы видим, как американцы в этом преуспели. На Украине сейчас сильны русофобские течения, ведь выросло не одно поколение, воспитанное на учебниках Сороса, где не говорится о победах русской армии ни слова...

— А ведь в первой обороне Севастополя участвовали именитые русские полки, среди которых были Житомирский, Черниговский, Днепровский, Азовский. То есть можно было бы, наоборот, опереться на общеисторическую память и подтвердить нашу общую историю. Но к сожалению, на Украине интеллектуальная элита до сих пор не вышла из стадии самоутверждения, у нее какой-то комплекс неполноценности, и она от противного строит свою государственную идею, повторяя: «Мы — не Россия». У нее какая-то ревность к России. Я знаю, что люди внушали своим детям: если бы не русские с их великой Россией, то именно они, украинцы, ощущающие себя единственными наследниками святого Владимира, могли бы стать тем, чем стала Россия. Боже мой, какой бред! Так их жаль!

— российских СМИ много говорится о геополитических интересах России, о том, что с возвращением Крыма одержана геополитическая победа. Но цена этой победы без единого выстрела — потеря добрососедских отношений с Украиной, ЕС, не говоря уже об Америке...

— С Америкой, я уверена, рано или поздно отношения наладятся. Ведь мы заявили о себе как о государстве с сильной независимой внешней политикой, со своими интересами — иными словами, провели красную линию, до которой мы не допускаем нажима на нас. А что касается Украины, то тут мы, конечно, в отношении потеряли. Если полистать украинские учебники, то можно увидеть, что мазеповщина, как именовалась такая идеология до революции, преподавалась в школах все эти 20 лет, поэтому мы упустили это еще раньше. И возвращение Крыма обнажило все. Но мы правильно сделали: лучше терять при победе, чем терять то же самое при поражении.